

ОСКАР УАЙЛЬД

«Униженные и оскорбленные» Достоевского

Из трех великих мастеров современного русского романа пальму первенства за утонченность, бесспорно, следует отдать Тургеневу. Он в совершенстве владеет искусством изысканного и изящного выбора детали, которое одно только составляет стиль; его творчество полностью свободно от личных пристрастий и предрешений; он изображает жизнь в ее самых ярких пламенных проявлениях — всего несколько страниц его совершенной прозы способны отразить квинтэссенцию настроений и страстей множества людей. Метод графа Толстого — объемнее, а его поле зрения — шире. Толстой напоминает иногда Паоло Веронезе¹: подобно этому великому живописцу, он заполняет свои гигантские полотна множеством лиц, никогда не переполняя картину. При чтении его книг не сразу создается единство художественного впечатления, составляющее главное очарование Тургенева, но как только нам удастся осмыслить детали, целое сразу же приобретает величие и простоту эпоса. Достоевский сильно отличается от своих соперников. Он не такой утонченный художник, как Тургенев, поскольку больше обращается к фактам, а не к впечатлениям; не обладает он и широтой видения и эпической невозмутимостью Толстого; у него иные, присущие только и исключительно ему одному достоинства: яростная напряженность страсти и мощь порыва, способность распознавать глубочайшие психологические тайны и потаенные родники жизни, реализм, безжалостный в своей верности и ужасный потому, что он верен.

Не так давно мы уже привлекали внимание публики к его прекрасному роману «Преступление и наказание» — повествованию о том, как преследуемые безнравственностью и пороком убийца и проститутка сходятся вместе и читают притчу о Лазаре и богаче² и как отверженная обществом девушка приводит грешника к покаянию; можно без преувеличения утверждать, что и другая

книга Достоевского, «Униженные и оскорбленные», не уступает этому великому шедевру. Ведь какими бы пошлыми и ординарными ни представлялись нам обстоятельства рассказанной в ней истории, героиня ее Наташа выдерживает сравнение с благородными жертвами античной трагедии, она — Антигона со страстями Федры³, приблизиться к ней, не испытывая священного ужаса, невозможно. Античен по духу и рок сумрачной Немезиды, довлеющий над каждым героем романа — с тем различием, что Немезида здесь — фигура не потусторонняя: она — часть нашей собственной природы и создана из того же материала, что сама жизнь. Другой персонаж книги, Алеша, изящный красивый юноша, за которым следует Наташа к неотвратимой гибели, — это второй Тито Мелема, обладающий таким же, как Тито, обаянием, грацией и очарованием. Но все же он — иной. Он никогда бы не отрекся от Бальдассаре на флорентийской площади и не оклеветал бы Тессу перед Ромолой⁴. В нем есть всевластная импульсивная искренность, мальчишеское неведение того, что значит жизнь, горячая жажда всего, чего жизнь дать не может. И в нем совсем нет расчетливости. Он вовсе не хочет зла, он лишь творит его. С психологической точки зрения это один из самых интересных образов, созданных современным романом, а в художественном смысле — один из привлекательнейших. По мере знакомства с ним у нас возникают странные вопросы: мы начинаем понимать, что отнюдь не одни только испорченные люди поступают дурно и не одни только плохие порождают зло. А как тонок и объективен метод, которым пользуется Достоевский, показывая своих героев! Он никогда прямо не относит их к определенному типу, не наклеивает ярлыков, опускаясь до описательности. Мы знакомимся с ними постепенно, точно так же как с людьми, которых обычно встречаем в обществе: сначала мы замечаем только мелкие штрихи манер или наружности, детали одежды и тому подобное, затем узнаем их по словам и делам, хотя даже на этой стадии они постоянно ускользают от нас, потому что, как бы ни обнажал перед нами Достоевский секреты их натур, он никогда не объясняет своих героев вполне, и они не перестают удивлять нас тем, что говорят или делают, до конца сохраняя в себе вечную тайну жизни.

Но помимо своей ценности как произведения искусства, роман также глубоко интересен своей автобиографичностью, ведь образ Вани, бедного студента, всем сердцем любящего Наташу, несмотря на всю ее греховность и позор, можно воспринимать как самоисследование Достоевского. Некогда Гёте был вынужден

отложить завершение романа до поры, пока на собственном опыте не испытает сходные жизненные положения; Достоевский, еще не достигнув зрелости, сполна изведал жизнь во всех ее проявлениях: ему рано довелось узнать бедность и страдание, боль и унижение, тюрьму, ссылку и любовь: устами Вани он рассказывает свою собственную историю. Эта нота личного чувства, эта жестокая реальность подлинного опыта, несомненно, повлияли на странный накал и невыносимую страстность его книги, не делая ее в то же время эгоцентрической: мы все видим в ней с разных сторон и чувствуем: вымысел в романе отнюдь не подавлен фактом, скорее сам факт обретает яркость и образность вымысла. И сколь бы безжалостен ни был Достоевский в своем методе, как художник — как человек он сострадает нам всем: тем, кто творит зло и кто страдает от него, эгоистам в не меньшей мере, чем тем, чьи судьбы исковерканы другими, и чья жертва была принесена напрасно. Со времен создания «Адама Бида»⁵ и «Отца Горио»⁶ не написано еще романа более мощного, чем «Униженные и оскорбленные».

